

Юлия Бучатская

**«Понятие субъекта в европейской этнологии»:
научный мастер-класс в Институте культурной
антропологии / европейской этнологии
Университета им. Георга-Августа в Геттингене,
13–14 декабря 2012 г.**

В декабре, посреди предрождественской суеты и красочных базаров на центральных площадях старого университетского города Геттинген молодые коллеги из Института культурной антропологии / европейской этнологии Университета им. Георга-Августа под сводами исторической университетской обсерватории собрали ученых из европейских стран для дискуссии о том, как следует подходить сегодня к понятиям субъекта и субъективации в нашей дисциплине. В обсуждениях, прошедших в формате научного мастер-класса, приняли участие 13 докладчиков, а также около 30 представителей этнографической и смежных дисциплин, главным образом из Германии, Швейцарии и Австрии. В качестве дискуссанта всех сообщений выступил профессор Амстердамского университета Йоханнес Фабиан. Все приглашенные докладчики выслали на адрес оргкомитета подробные тексты своих выступлений заранее, и в течение двух недель они были доступны онлайн. Это дало возможность участникам и дискуссантам детально разобраться в представленных текстах и аргументации и предметно обсудить их в интенсивной многочасовой работе мастер-класса. На заседаниях же были представлены главным образом краткие резюме конкретных исследований по проблемам субъективности и субъективации — как на эмпирическом материале, так и в виде теоретического анализа научных подходов к проблеме.

Юлия Валерьевна Бучатская
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
julia.butschatskaja@yahoo.de

Исходным пунктом обсуждений служило утверждение, что субъект играет центральную роль в теории и методологии этнологических исследований. Поскольку это утверждение разделяет большинство представителей дисциплины, встает вопрос о специфике концептуализаций понятия субъекта. Более того, в современных социальных науках сосуществуют постмодернистский отказ от буржуазного субъекта и дискурсивно-аналитическое ограничение субъективных рамок действия и толкований, с одной стороны, и дальнейшее развитие субъект-центрированных подходов в этнологических исследованиях — с другой. В связи с этим возникает проблема теоретической и прагматической сравнимости противоположных понятий субъекта. Целью научной встречи была дискуссия о концепциях субъекта в теории и методике современной европейской этнологии применительно к их импликациям, а также обзор историографии вопроса о субъекте. Помимо этого в вводном выступлении организаторы мастер-класса **Штефан Грот** и **Надине Вагенер-Бёк** заострили проблему научной (само)рефлексии восприятия, потенциалов и пределов теорий и методологий в этнологии.

В фокусе обсуждения были доклады из различных исследовательских областей европейской этнологии, авторы которых занимаются специфическими концепциями субъекта и субъективности в теории и методике. Основное внимание сосредоточилось на экспликации и рефлексии понятия субъекта в исследованиях повседневности, профессиональных культур и миграции, анализе дискурса и взаимодействия, перформативных и праксеологических подходах и в других областях европейско-этнологических исследований. Кроме того, рассматривались вопросы отношения между субъектами и объектами, тема автономии субъекта / intersубъективности, методологические вызовы и междисциплинарные сопряжения концепции науки о человеке, а также вопросы истории науки и техники (STS).

Содержание и тематика докладов, представленных на мастер-классе, образовали два блока: сугубо теоретические рассуждения и доклады, ориентированные на проекты, привязанные к эмпирическому материалу. Формально выступления были поделены на тематические группы в соответствии с темой и методологией («миграция», «семиотика», «материальность», «диспозитив», «психоанализ»), но разброс тем и поднятых вопросов был так велик, что о какой-либо связи (кроме интереса к центральному обсуждаемому понятию субъекта) между прозвучавшими докладами говорить не приходится.

По сути дела, все докладчики в рамках конференции представляли свои текущие исследовательские или диссертационные

проекты. Отчасти и сама идея устроить обсуждение понятий субъекта и субъективации, их различных измерений и форм возникла не спонтанно, а из актуальных научных дискуссий докторантов Геттингенского института культурной антропологии / европейской этнологии. Надо отметить, что в дискуссии о субъекте данное научное учреждение Германии задает тон. Это, в частности, связано с разрабатывавшейся в 1970–1980-х гг. новой концепцией немецкой этнологии как дисциплины, сосредоточенной на повседневности, поставившей в центр своих рассмотрений субъект и субъективность и вооружившейся новыми в то время идеями субъективации Мишеля Фуко. В Геттингене обращением к проблеме субъекта в этнологии прославилась профессор Карола Липп, которая приняла участие в конференции. В ходе заседаний ее исследования неоднократно цитировали, а она в свою очередь критически комментировала выступления.

Первым докладом, открывшим обсуждение, было сообщение **Кристине Ольдёрп** (Цюрихский университет) «Формы субъективации в качественном интервью». Выпускница Гамбургского университета обратилась к качественным методам исследования в этнологии, в частности к устному открытому, тематически управляемому полуформализованному интервью как методу, позволяющему максимально приблизиться к субъективному. В контексте субъективации как сложения субъектов интервью представляет собой научно трансформированную практику признаний. Соглашаясь с Фуко и цитируя далее Йоханесса Фабриана, Кристине Ольдёрп приходит к выводу, что складывание говорящего субъекта происходит в процессе этих признаний, когда интервьюируемый анализирует себя и свой опыт. На материале интервью, основанных на качественных методах и записанных в Гамбурге в 1999–2001 гг. другими собирателями, Кристине Ольдёрп исследует, насколько техники репрезентации в интервью делают возможной субъективацию и какие формы субъективации они обуславливают; как конструируется «я» информанта в процессе его вербального самовыражения. Особое внимание Ольдёрп уделяет акту трансформации «себя» в «другого» в процессе разворачивания ответа-признания в интервью. В докладе был представлен фонологический и семантический анализ высказываний одной записи беседы на тему взаимоотношений человека с техникой. Маркируя интонационно выделенные слова в предложениях, повторы, смысловые ударения, замедления и убыстрения речи, Ольдёрп вслед за Фуко поставила непростые вопросы: воплощается ли в интервью, в акте «говoreния о самом себе» некая «культура собственного “я” информанта», осуществленная через «технологии самого себя» в процессе толкования этого «я»? Или же эту вербализацию собственного

«я» информанта следует понимать как один из механизмов субъективации акта признания? Насколько информант («другой») может быть вербальным выражением самого себя? Что происходит с этим «я» в процессе его вербализации?

Сочетание различных стратегий — тематически управляемого опроса, побуждение информанта к самовыражению, технической фиксации устного слова, письменной транскрипции устного интервью и его последующего анализа — может рассматриваться в смысле единого комплекса микротехник, направленных на исследование акта говорения. Решающим фактором для стратегического выравнивания этого диспозитива является реализованное соединение власти и знания. Ольдёрп ставит вопрос: превращается ли «иной» посредством микрополитик диспозитива в «объект информации» или его можно признать «субъектом коммуникации»? На примере того, как трансформируется акт устного говорения в исследовательском процессе — от технической аудиофиксации, через письменную транскрипцию и анализ до завершающей публикации, Кристине Ольдёрп показывает процесс изменения позиции информанта. В ходе него происходит десубъективация информанта, тогда как ученый, декларирующий в исследовательском процессе свою максимальную незаметность (и невмешательство в интервью), перемещает себя на место литературного субъекта написанного им текста. Для признания «другого» в качестве субъекта коммуникации Ольдёрп предлагает в методологическом аспекте понимать интервью как интерсубъективно созданную вербальную информацию. Лишь в этом случае, по мнению докладчицы, возможен доступ к устной речи как одной из повседневных практик, в которой выражается вербальная культура в модусе субъективности.

С этим докладом тематически и методологически перекликалось выступление **Геррита Херлина**, коллеги Кристины Ольдёрп по Гамбургскому университету, «Кто говорит? Замечания по поводу понимания субъекта в этнографическом и культурологическом изучении биографий и интервью». Оно также было посвящено пониманию «эмпирического субъекта» в социологических и этнографических исследованиях субъектно-ориентированных качественных интервью. Исходя из предпосылки, что в любом этнографическом исследовании (прежде всего в интервью) понимание сущности субъекта — того, что такое есть субъект, — теряется за высказываниями этого субъекта, его интерпретациями и описываемыми практиками, Херлин предлагает переместить фокус исследовательского интереса на представления и амбиции изучаемого субъекта. Докладчик обратил внимание на скрытое несоответствие постулированного эмпирического субъекта и теоретических предположений

относительно него, с одной стороны, и культуры субъектов — с другой: у эмпирического субъекта изначально предполагается способность к саморефлексии, в то время как культура субъектов, будучи аналитической категорией, мыслится через влияние извне. Оставшаяся часть доклада Геррита Херлина была посвящена поискам исторических корней такого несоответствия, оратор поставил два основных вопроса: как и через какие тексты интервью можно проследить «карьеру становления субъекта» (субъективацию)? Кто и при каких условиях становится субъектом этнографического исследования интервью, а кто нет?

Доклад руководителя этнологического семинара в Университете Кристиана Альбрехта (г. Киль) профессора **Андреаса Шмидта** был сугубо теоретическим, не иллюстрированным эмпирическим материалом. Рассуждения Андреаса Шмидта представляли собой критику структурализма и того факта, что большинство исследований субъективации в Германии опирается на концепцию Мишеля Фуко. Основная критика касалась положения Фуко, что субъект в очень малой степени принадлежит себе. Его формируют дискурсы, институты, предписания и порядки, он является целью различных структур знания и власти, которые сами его конструируют. Андреас Шмидт призвал рассмотреть связь власти и субъекта в ином, чем у Фуко, понимании и предложил к обсуждению другое понятие, сходное с субъектом, а именно — понятие сингулярностей, единичностей, разработанное Михаэлем Хардтом и Антонио Негри. В своей презентации Шмидт схематически показал, что в концепции Хардта и Негри означает «сильный» и «слабый субъект», в каком соотношении они находятся между собой. Принимая точку зрения ученых, в соответствии с которой позиция субъекта определяется полнотой власти, он развернул концепцию множественности (*multitude*) субъекта. Сильный субъект при этом означает общественные сингулярности, которые воспроизводят его бытие, приводят в соответствие с социальными условиями, и действуют на власть, изучая или изменяя ее.

Продолжая критику теории субъекта Фуко, Андреас Шмидт осветил иные взгляды на субъект в политических и общественных науках. В фокусе его внимания оказались позиции, отраженные в работах последних лет: Пауля Михерила (2006), Паоло Вирно (2008), Йоханнеса Грубера (2010), Ханса Йоаса (2011). Так, Грубер, по определению докладчика, типичный представитель интеллектуальной элиты XX в., затронутой радикализацией капитализма и столкнувшейся с национал-социализмом, рассматривает субъект как общественное явление. Потенциал такого субъекта ограничен культурной индустрией

(например, ориентацией на потребление или тенденциями овеществления). Сила и слабость субъекта в построениях Грубера зависят от возможности раскрыть собственную личность: личность, способная воплотить свою индивидуальность, является сильным субъектом, в то время как слабый субъект оказывается неспособным к свободному самовоплощению.

Теоретическую часть мастер-класса продолжило выступление **Йохена Бонца** (Бременский университет) «Конфигурации субъективности. Утц Йеггле, Пьер Бурдьё, Жак Лакан». Докладчик обратился к анализу концепций субъективности как следствия бессознательных идентификаций и рассмотрел представления о субъективности в европейской этнологии на примере двух авторов — Пьера Бурдьё и представителя тюбингенской школы немецкой этнологии Утца Йеггле. Бонц предложил понимание фундаментальной детерминированности индивида социокультурными условиями его времени, в результате чего он становится субъектом этих социокультурных условий. Эту детерминированность следует рассматривать не как однократный акт или постоянное влияние, но как некое пространство, в котором «я» индивида специфическим образом познает репрезентации социокультурных условий своего времени. В центре внимания Бонца оказалась эта специфика, или, как выразился автор, «аспект маркированности», способа познания субъектом репрезентаций социокультурных условий своего времени.

В качестве инструмента своего анализа Йохен Бонц применяет концепцию различения реального, вымышленного и символического, принадлежащую французскому психоаналитику Жаку Лакану. Через концепцию Лакана он рассматривает понятие хабитуса (как некое скрещивание символического и имагинарного) у Бурдьё и понятие культуры как явления на стыке символического и реального у Утца Йеггле и конструирует три конфигурации субъективного: Бурдьё, Йеггле и собственную. У Бурдьё исследователь выделяет присущее субъекту взаимоотношение с миром, маркированное имагинарным началом. Действенность хабитуального восприятия сущности субъекта основывается на его имагинарной идентификации (желании субъекта лучше, чем другие, соответствовать стилю, вкусу, правилу). У Йеггле субъект также обусловлен культурой, которую ученый противопоставляет дикому природному началу в человеке и связывает с началом разумным и ограничительным (цивилизованностью). При этом в данный символический порядок постоянно вмешивается реальность в виде непредсказуемой природы. На этом основании докладчик выделил у Йеггле специфическую маркированность взаимоотношений мира и субъекта воздействием реальности, природного начала.

Организатор мастер-класса докторант Геттингенского университета **Штефан Грот** с позиции представителя европейской этнологии, ориентирующейся на классические понятия субъекта, в своем докладе «Язык и признание: локализация субъектов в дискурсах» обратился к структурно-лингвистической основе возникновения концепции субъекта и языка у Мишеля Фуко. Он попытался выявить исследовательские потенциалы, заложенные в лингвопрагматических подходах этнологии и представляющие собой альтернативу концепции лингвистического структурализма Фуко. Концепцию Фуко автор рассматривает как «несубъективистскую теорию субъективности», в которой понятие дискурса отрицает субъект как таковой: субъекты занимают лишь те позиции, которые предопределены дискурсом. После критики структуралистского подхода в европейской этнологии и *cultural studies* Штефан Грот осветил иные традиции дискурсивного анализа с ориентацией на субъект: лингвистической антропологии, социолингвистики, лингвопрагматики, или коммуникативной этнографии. Последняя выделяет аспекты креативности и интерактивности как важные свойства субъекта, делающие его действия независимыми от заданной структуры.

Другим пунктом доклада Штефана Грота было предложение применить теорию признания Аксела Хоннета как одну из альтернатив структуралистской концепции субъекта Фуко и своеобразный способ «ренормативации» понятия дискурса в науках о культуре. Хоннет в своей теории вслед за Гегелем делает упор на взаимное двустороннее признание субъектами друг друга, в чем ученый видит определяющее начало для субъективности. Штефан Грот высказался за применение теории признания в этнологии и указал, что она откроет новые возможности дискурсивного анализа в исследовании текстов и нарративов в социально обусловленных интеракциях (контекстах) «по ту сторону Фуко». Инструментарий для эмпирического насыщения теории признания Штефан Грот находит в походах лингвистической антропологии, социолингвистики и коммуникативной этнографии.

Мария Швертль, еще один этнолог из Геттингенского университета, в докладе «“Исследования миграции” вместо “Исследований мигрантов”? К вопросу двойного децентрирования этнического субъекта Робинсона в исследованиях миграции» предложила поднять вопрос о потенциалах и эффектах понятия субъекта в этой научной области на примере двух активно дискутируемых концепций: концепции децентрирования субъекта Фуко и идей акторно-сетевой теории (*Actor-Network-Theory*) и теории ассамбляжа (*Assemblage-Theory*). За отправную точку в своем изучении субъективации в рамках

исследований миграции Швертль берет идентичность мигрантов и вводит понятие миграционных субъектов. Критикуя этноцентричность большинства исследований идентичности мигрантов, поддерживаемую и используемую интеграционными институтами государства, докладчица предложила с помощью генеалогии Фуко проанализировать возникновение и развитие категории «мигрант», а также сформировать в изучении миграции новые исследовательские конструкты и иные стили изложения, которые оказались бы более чувствительными к комплексам власти-знания, внутри которых они сами находятся.

Пожалуй, наиболее далеким от эмпирических исследований было философское размышление **Томаса Дёрфлера** (Университет Люнебурга) «Субъект мертв, да здравствует субъект». Этот критический доклад походил по манере изложения на памфлет, обращенный к предшественникам-социологам, философам и психоаналитикам 1960-х гг., провозгласившим прощание с модерном и отрицание субъекта как рационального и самоопределяющего начала. Дёрфлер предложил новое прочтение корифеев постмодерна (прежде всего Фуко и Бурдьё) и новое обращение к субъекту — через психоаналитический подход Лакана. На примерах из нигилистических постмодернистских работ последних десятилетий Дёрфлер представил критику постмодерна и новые заявления о своем существовании субъектов, «восставших» в децентрированном, гибридном мире против десубъективаций в форме государственного контроля или социальной маргинализации. Основным выводом из этих рассуждений стала констатация, что в социальных науках возрождается понятие субъекта как центра любой интенции и любого осознания — в конечном счете и собственного отсутствия и отрицания.

Более живое впечатление оставил доклад **Мартины Рётль** (Университет Инсбрука) «Что есть я? Субъект как вакансия». На эмпирическом материале конкретного исследования, посвященного женщинам-хозяйкам, сдающим жилье туристам (Тироль), Рётль поставила задачу проследить процессы субъективации («кто каким субъектом становится») и диспозитивные условия их осуществления. Как и большинство докладчиков, она опиралась на понятия диспозитива и дискурса Фуко, осознавая при этом недостаточную разработку вопроса о способах субъективации как сложения действующего индивида (субъекта). Исследовательница выделила различные способы субъективации применительно к теме регионального туризма и наложила их на матрицу диспозитива, образованного рядом дискурсов, таких как (взаимо)отношения исследуемой группы хозяек жилья в частном секторе с представителями туристиче-

ской индустрии, интеракции с гостями и т.д. Ретль пришла к выводу, что в различные моменты времени реализуются разные формы субъективации, в которых исследуемые домовладелицы предстают то «предпринимательским я», то добровольными самоэксплуататорами, то субъективацией собственно работы, при этом каждая форма в различных условиях и видах адресуется разным инстанциям. Субъективацию Ретль рассматривает как процесс, который не имеет завершения: процессы субъективации постоянно переориентируются и переписываются, таким образом, в каждый конкретный момент времени субъект как вакантное место заполняется, но лишь временно и частично. Описать и трактовать возможно только то, как и при каких условиях происходят субъективации.

Эмпирически ориентированную часть семинара продолжил доклад докторанта Берлинского института этнологии **Надине Хайманн** «Visual Kei: практики тела и пола в транслокальной субкультуре». Хайманн проанализировала молодежную музыкальную субкультуру Visual Kei, заимствованную из Японии в последнее десятилетие, в аспекте культурных кодов, действий и телесной перформативности; рассмотрела, какие практики используют представители Visual Kei, чтобы утвердиться и получить признание в качестве субъектов. Хайманн подошла к вопросу с междисциплинарной позиции: ее работа находится на грани между гендерными исследованиями в смысле Queer Theory и этнологией. В докладе, как и своем диссертационном проекте, Надине Хайманн обращается к концепциям субъективности у Пьера Бурдьё и Юдит Батлер, находя точки соприкосновения концепций обоих ученых в аспекте практики: субъективность рассматривается в них как материальный результат общественных практик, субъект генерируется в процессе этих практик. В исследовании самой Хайманн субъект служит «точкой схода» определенной аналитической стратегии, которая указывает на то, что общественные и культурные порядки, практики и дискурсы нужно рассматривать с точки зрения того, какие формы субъекта, тела и пола они производят. Применительно к конкретному исследованию Visual Kei в Берлине Хайманн удалось показать, как в образе тела проявляются специфические поведенческие и перформативные нормы этой субкультуры и как через их функционирование происходят процессы признания представителей Visual Kei в качестве субъектов.

Другой доклад, основанный на эмпирическом материале и щедро иллюстрированный им, представила **Юлия Бучатская** (Музей антропологии и этнографии, Санкт-Петербург). На материале текущего этнографического исследования профессиональной среды берлинских этнологов с использованием

субъектно-ориентированного качественного интервью как главного исследовательского метода было предложено обсуждение положения, согласно которому исследуемые ученые рассматриваются как говорящие субъекты (по Ж. Лакану) постольку, поскольку в интервью они выступают экспертами своей повседневности, проговаривают свой опыт и дают свои объяснения действиям и предметам. В соответствии с темой исследования докладчик понимала под субъектами тех, от кого исходит изучаемая ею практика. В этом смысле становление профессионалов подается как сложение субъектов, т.е. субъективация. Бучатская обратила внимание на противоречивость и сложность ситуации заполнения места субъекта в подобном исследовании: с одной стороны, профессионалы изучаются как субъекты своей деятельности, с другой — само изучение и наблюдение за ними делает их объектами, и тогда место субъекта заполняет исследователь. В связи с этим был поднят и другой вопрос, характерный для этнологического исследования вообще и для данного в частности — вопрос максимальной субъективности любого этнографического описания и исследования. Поскольку все исходит от субъекта — все фантазии, интенции и осознания, постольку и продукт, получаемый в результате профессиональной деятельности, полностью несет на себе отпечаток субъекта, своею волею и действиями его создавшего, т.е. обладает субъективностью. Этнология работает с источниками наибольшей степени субъективности: ученый как субъект исследовательского действия сам выбирает объект исследования, сам решает, какие грани он хочет осветить в своем наблюдении / тексте, сам создает источник (полевая работа, записи), и в процессе создания источника (наблюдения в поле) ученый смотрит на изучаемое собственными глазами, отбирая и фильтруя все попадающее в поле зрения согласно его научному интересу. В порядке принятой научной саморефлексии докладчик тематизировала субъективные стороны и собственного исследования. В частности, были затронуты такие моменты, регулировавшие процесс сбора материала и выбора круга информантов, как следование интуиции, наличие личных симпатий и антипатий, степень легкости установления контактов и даже темп речи собеседника, являющиеся важными (субъективными) условиями психологического комфорта / дискомфорта при общении на неродном языке.

Эрдем Эврен, сотрудник Центра современного Востока в Берлине, в докладе «Обновления: конструкция и деконструкция ненасильственной личности» («Renewals: The Making and Unmaking of Non-Violent Selves») проанализировал толкование субъективности как «средства формирования чувствительности через и вне доминирования» [Biehl 2005] и показал, в какой

степени аффективные и психически нестабильные состояния способствуют созданию и разрушению индивидуальностей. Свое выступление Эврэн проиллюстрировал примером из недавнего прошлого Турции, а именно — из биографии ставшего известным турецкого солдата-отказника Мехмеда Баля, арестованного военным командованием страны и заключенного в тюрьму, а затем избитого по неофициальному приказу <<http://www.connection-ev.de/s.php?s=Mehmet%20Bal>>. Этот частный случай переживания насильственного опыта и вычленения из него ненасильственных идеалов дал основание поставить конкретный вопрос: почему Мехмед Баль не перестал отказываться от военной службы и сохранил свою политическую идентичность, несмотря на цену, которую ему пришлось заплатить за то и другое — осуждение, заключение и избиения? В качестве этнографически обоснованного ответа Эрдем Эврэн предложил выделить внутренние элементы индивидуального и политического «обновления», которое пережил исследуемый индивид и которое отразило психические процессы, сопровождавшие его до и во время принятия решения об отказе от военной службы. На примере данного исследования Эврэн предложил изучение субъективности как средства формирования чувствительности разными путями — своего рода альтернативу классической теории и методологии К. Гиртца. Такое исследование, проводимое в проблематичном поле, на стыке морали, эмоций и политики, требует, по мнению докладчика, перехода от метода включенного наблюдения к «включенному слушанию», а также от насыщенного описания к «насыщенному анализу».

Безусловно, тематика данного научного мероприятия была далека от российского понимания предмета этнологии / этнографии. Эмпирический материал был сравнительно мало представлен, и основное внимание сосредоточено на обсуждении методологических и сугубо теоретических проблем, что, на мой взгляд, уводило рассуждения от собственно этнологии, лишало их антропологичности, привязанности к той самой повседневности, изучение которой преобразовало и переориентировало нашу дисциплину во второй половине XX в., в русло отвлеченного философствования. В то же время именно рефлексия над методами этнологического исследования сделала актуальным в этнологии вопрос о субъективности и, следовательно, о понятиях субъекта и субъективации как формировании субъектов, который дискутировался на конференции. В подобных обсуждениях как нельзя ярче проявляется лицо сегодняшней этнографии в Европе: заметно, насколько стерты границы между различными дисциплинами о человеке, использующими общие исследовательские методы, и промежуточное положение европейской этнологии среди них. Евро-

пейская этнология вторгается в разные сферы современного общества и широко привлекает методы социологии, психоанализа, философии. Не случайно наряду с современной методологией участники обсуждения широко использовали в своих исследованиях подходы Дж. Батлера, З. Фрейда, Ж. Лакана, Р. Декарта. При подведении основных итогов мастер-класса была констатирована нерешенность проблемы субъекта в современной европейской этнологии / культурной и социальной антропологии. В ходе двухдневных обсуждений был представлен обзор разных пониманий субъекта в гуманитарных науках, выявивший, с какими из этих и синонимичных понятий (индивидуума, персоны, личности, деятеля) работают сегодня этнологи. Были отмечены исторически обусловленные изменения в использовании понятия субъекта в этнологии, связанные с доминированием тех или иных научных «трендов» в разные периоды времени: в качестве сегодняшних трендов для немецкой этнологии были единогласно признаны подходы Пьера Бурдьё и (хотя и многократно критикованного) Мишеля Фуко.

Библиография

Biehl J. Vita: Life in a Zone of Social Abandonment. Berkeley: University of California Press, 2005.